Тушеная свинина

Автор:
Ань Юй

Тушеная свинина

Ань Юй

Loft. Восточная коллекция

«Тушеная свинина» – дебют американской писательницы Ань Юй, сразу привлекший внимание медиа и получивший положительные отклики. Это роман, повествующий о духовном путешествии китайской художницы, оказавшейся в непростом положении после смерти мужа. С художественной точностью Ань Юй пишет картины современных Пекина и Тибета, зачаровывающие и сюрреалистичные. Она проведет вас в загадочный мир воды, из которого почти невозможно найти выход…

Читайте в новой «Восточной серии»: коллекции лучших мировых романов про Восток.

Удивительно гармоничные, завораживающие картины Востока предстают перед нами в этой книге. Объятый смогом Пекин оставит привкус сюрреалистичности, а тюльпанные поля ночного Тибета зачаруют своей таинственной, мифологической красотой.

Все началось в тот день, когда Цзяцзя обнаружила своего мужа утонувшим в ванне. Жене после него остались пустая квартира и набросок загадочного рыбочеловека, того, что явился мужу во сне во время путешествия в Тибет. И Цзязя уверена, что именно это существо по ночам вводит ее в пугающий, но такой притягательный мир воды… Одна, потерявшая почву под ногами, Цзяцзя отправится в путь, чтобы наконец отыскать себя.

«Позиционная вои?на между традициеи? и современностью в современном китаи?ском обществе, стремление к счастью и право на счастье, метафоричное размышление о свободе и несвободе, выраженное через мистическое – вот, что составляет суть романа Ань Юй». Максим Мамлыга, Esquire

Ань Юй

Тушеная свинина

An Yu

BRAISED PORK

Copyright © 2020 by An Yu

This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

Copyright © Cover design and artwork Suzanne Dean

Перевод с английского Михаила Тарасова

Художественное оформление Юлии Девятовой

© Тарасов М., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

Оранжевый шарф соскользнул с плеча Цзяцзя и упал в ванну. Он пропитался водой и погрузился в нее, потемнел и заколыхался над головой Чэнь Хана, как золотая рыбка. Несколько минут назад Цзяцзя вошла в ванную комнату, повесив на каждое плечо по шарфу, чтобы спросить мужа, какой ему больше нравится. Но спросить не получилось: муж сидел в недонаполненной ванне на корточках лицом вниз, выставив из воды зад.

– О! Ты пытаешься вымыть голову, милый? – спросила она, не найдя других слов.

Она прекрасно понимала, что он не станет с ней так шутить. Но разве взрослый человек может утонуть в ванне? Она проверила пульс на его запястье и, наклонившись, посмотрела, не идут ли из носа пузырьки. Окликнула по имени, залезла в ванну и потащила тело: она хотела его поднять, чтобы, по крайней мере, распрямить. Но это оказалось невозможным: муж словно окоченел, застыл, как сломанный робот.

Скорая была уже в пути – во всяком случае, так сказали по телефону. Цзяцзя встала коленями на пол, выложенный бежевой плиткой, и выдернула пробку, чтобы спустить воду. Это было единственное, о чем она могла в тот момент думать. Возможно, без воды Чэнь Хан снова сможет дышать. Положив скрещенные руки на борт ванны, Цзяцзя рассматривала тело мужа, словно скульптуру в музее. Она никогда не слышала такой тишины. Она была уверена, что эта тишина наступила впервые за время их брака: всегда, даже когда они спали, были какие-то звуки – его храп, работа кондиционера, шум машин на улице. Но сейчас она ничего не слышала. Его скорчившееся тело, казалось, становилось все более серым и недолговечным, как статуя, вылепленная из высохшей необожженной глины, готовая вот-вот развалиться. Цзяцзя внезапно почувствовала рвотный позыв, вдруг осознав, что некоторое время назад перестала дышать. Она прикрыла рот ладонью, мысленно пытаясь отвлечься на другое, и спросила себя, сколько времени нужно телу, чтобы остыть после смерти. Несколько минут? Час? Несколько часов? Она не знала. Влажный воздух сдавливал горло, словно чьи-то руки. Отделанная мрамором ванная комната,

которая всегда казалась слишком большой для двоих, теперь представлялась чересчур маленькой, и в ней было трудно дышать. Цзяцзя стало ясно: Чэнь Хан не подумал, что для смерти это место совсем не подходит. Не подумал он и о жене, которой предстояло найти его первой, ведь когда это произойдет, она окажется совсем одна и, конечно, будет вынуждена ждать, когда в ванную войдет кто-то еще. Он не представил себе ее состояние, когда она увидит его в ванне, голого и мертвого, потому что иначе наверняка выбрал бы другой способ уйти из жизни.

Тем утром во время завтрака Чэнь Хан вздохнул и, не до конца прожевав маринованный огурец, пробормотал, что, пожалуй, неплохо бы снова побывать в Санье, куда они прежде ездили каждый год. Впервые за несколько недель муж сказал что-то обнадеживающее. В прошлом году он отменил их отпуск по неустановленным причинам – из-за дурных предчувствий, как опасалась Цзяцзя, из-за отсутствия интереса к ней и их браку. Он никогда ее не любил, и она это знала. Она была не дура. Но они обещали друг другу пожизненный союз, скрепленный если не любовью, то решимостью создать семью. И пока он уверял, что намерен оставаться ее мужем, все остальное можно было простить.

– Когда поедем? – немедленно спросила Цзяцзя у Чэнь Хана, все еще дожевывавшего огурец. – Я начну собирать вещи сразу после завтрака.

– Когда захочешь. Я намерен принять ванну.

– Ванну?

Цзяцзя знала, что Чэнь Хан никогда не принимает ванну: он не видел удовольствия в том, чтобы лежать в горячей воде, и предпочитал душ, полагая, что он обеспечивает наибольшую чистоту тела. Цзяцзя хотелось расспросить мужа поподробнее – она быстро проглотила еду, запила водой и уже открыла рот, чтобы заговорить, но решила промолчать, опасаясь раздражать Чэнь Хана вопросами, способными испортить ему настроение в столь ранний час.

– Не бери слишком много вещей, – предупредил он, поднеся ко рту миску с жидкой рисовой кашей, и одним глотком допил остаток.

Цзяцзя слышала, как он вставил в сливное отверстие затычку и включил воду. Был ноябрь, она только недавно разложила в шкафу зимние вещи. Цзяцзя

открыла чемодан, встала на стул и принялась доставать из верхнего отсека шкафа летнюю одежду мужа, не давая себе отвлекаться – из страха что-нибудь забыть. Она не позволит невнимательности испортить поездку. Пусть он примет ванну, решила она, пусть побудет один.

К тому времени их брак достиг стадии, когда для нее не было ничего проще, чем паковать вещи Чэнь Хана. Перед первой совместной поездкой, когда Цзяцзя собирала чемодан для медового месяца, это была настоящая катастрофа. Она взяла слишком много носков и забыла шахматы. После того случая она быстро научилась паковать чемодан по вкусу мужа: скатывать трусы валиками, складывать рубашки, класть между ними шахматы – так, чтобы те были защищены после того, как чемодан сдадут в багаж, – и оставлять небольшое пространство для сигар в правом верхнем углу, чтобы мужу было удобно их доставать.

Собрать свои вещи на этот раз оказалось сложнее. У нее не было времени купить новую одежду – Чэнь Хан всегда велел делать это перед очередной поездкой.

«Пройдись по магазинам, – говорил он. – Поизучай витрины. Присмотри себе что-нибудь новенькое. Ты будешь хорошо выглядеть на пляже и станешь счастливее».

Может, ей стоит пройтись по магазинам завтра? Но Чэнь Хан попросил, чтобы она не брала слишком много вещей. Может, дело в нехватке денег? Что-то не ладится с бизнесом? Ей снова захотелось прервать купание мужа и спросить его самого. Почему ты принимаешь ванну? Ты никогда этого не делаешь. Что-то не так на работе? Она была его женой, а не любовницей, и имела право знать. Но, как это часто бывало, она боялась нарыть неприятные факты, которые он предпочел бы скрыть.

В конце концов она решила все-таки проверить, успокоила ли его ванна. Возможно, он даже сумеет открыться ей. Поэтому она выбрала два шарфа, оранжевый и пестрый, подождала еще несколько минут, отрепетировала улыбку и осторожно толкнула дверь ванной.

Надо было спросить, какой ему больше нравится, в самом начале, за завтраком. Теперь вопросы остались внутри нее. На самом деле ничего не изменилось, и эта мысль заставила Цзяцзя почувствовать невыносимое негодование и отвращение

к человеку, за которого она позволила себе выйти замуж. Не в силах больше сдерживаться, она, зажмурившись, побежала в туалет, и ее вырвало. Он предал ее. Бросил. Не выполнил единственное свое обещание. Все в нем стало жалким, отталкивающим. Его брови остались нахмуренными даже после смерти, живот свисал, как мешок, на макушке виднелась проплешина.

Она подняла голову и заметила на стопке полотенец возле раковины листок бумаги. Бумажка была сложена посередине и то слегка приоткрывалась, то опять закрывалась. Как будто неслышно дышала в тишине ванной. Цзяцзя потянулась к ней, развернула и увидела рисунок – рыбу с человеческой головой. Это оказался набросок Чэнь Хана – она достаточно хорошо знала его грубоватый стиль.

На теле изображенного существа виднелись изогнутый спинной плавник и чешуя. Даже из несовершенного наброска было видно, какой мощью обладал большой хвост. Рисунок был сделан в спешке, но человеческая голова, в отличие от тела, была проработана очень тщательно. Она казалась точным портретом, все было на месте: морщины, волоски, торчащие из ноздрей, припухшие мешки под глазами. Это была мужская голова, глядящая как-то сквозь, на далекий горизонт. Она напоминала фотографию на удостоверение личности. Человек не смеялся и не хмурился. В голове не было ничего особенного, за исключением, пожалуй, чересчур большого и открытого лба. Лицо не говорило ни о любопытном прошлом, ни о захватывающем будущем.

Цзяцзя вспомнила сон, о котором рассказывал Чэнь Хан. Он в одиночку поехал в Тибет в поисках того, что называл «духовным очищением от всего этого вот». Хотя Чэнь Хан не был религиозен, он не только бросал деньги в ящики для пожертвований, когда бывал в храмах, но и периодически отправлялся в подобные поездки. Цзяцзя знала: они ему нужны, но для чего, предпочитала не думать. Она часто убеждала себя, что она – жена, хранительница домашнего очага, а он – человек, который очень тщательно подыскивал спутницу жизни, человек, который никогда не покинет ту, что выбрал, даже если иногда его сердце покоится в чужой постели. Поэтому Цзяцзя собирала ему вещи, провожала до дверей и ждала, когда муж вернется.

Недавняя поездка Чэнь Хана, примерно месяц назад, была первым посещением Тибета. Однажды ночью он позвонил оттуда Цзяцзя и описал человека, явившегося ему во сне.

– Едва ли можно его назвать человеком, – рассказал он. – Собственно, он был маленькой рыбкой, которую подали на тарелке, и все ее ели. Мы съели все, до последнего куска. Даже кости. Но как только мы принялись за голову, та заговорила. Боже, как мне было страшно! Странно, что я не проснулся. Лишь когда голова заговорила, стало ясно, что она не рыбья. Голова была мужская. Человечек болтал без умолку, смеялся и шутил, что припозднился и мы не должны ждать, когда он начнет есть. Я все еще слышу его раскатистый хохот.

Чэнь Хан не помнил остальную часть сна и не знал, кто этот человек. В то время Цзяцзя не придала рассказу особого значения. Единственное, о чем она думала, – это о том, что Чэнь Хан, наверное, был один, раз позвонил ей посреди ночи, и не делил постель с другой женщиной, по крайней мере в той поездке. На самом деле она совершенно забыла об этом сне, потому что после возвращения Чэнь Хана из Тибета он не заговаривал ни о рыбке, ни о человеке. Цзяцзя вспомнила о них только сейчас.

Глава 2

Лео стоял в одиночестве за темной деревянной стойкой своего бара, обслуживая последнего посетителя. На хозяине заведения были белая рубашка, черный жилет, бордовый галстук-бабочка, рукава рубашки он закатал до локтей, а руки были мокрые от мытья бокалов. На проигрывателе закончилась пластинка Билли Холидей, он медленно вытер руки и заменил ее на Чета Бейкера. Он всегда старался выглядеть спокойным и хорошо воспитанным, ограничиваясь лишь теми движениями, что необходимы для работы, – навык, отточенный годами труда. Он редко хохотал, но никогда не казался недружелюбным, иногда вступал в разговор, когда посетителей было немного. Никто не знал его полного имени, ему было достаточно оставаться «Лео». Такая скрытность нравилась – образ отстраненного профессионала, лихо заправляющего собственным баром. Имелось и дополнительное преимущество: английское имя придавало этому месту атмосферу изысканности.

Ночь тянулась медленно, за стойкой сидела только одна посетительница. Эта женщина лет тридцати с небольшим в последнюю неделю приходила в бар почти каждый вечер. Лео знал ее покойного мужа Чэнь Хана. Супруги жили в многоквартирном доме напротив. Офис мужа тоже находился неподалеку, так

что Чэнь Хан был завсегдатаем бара. Иногда заходил один, но в основном – с компанией. Очень редко приводил с собой жену, но она никогда не задерживалась дольше, чем требовалось для того, чтобы допить бокал вина. Она пила только вино.

Лео всегда внимательно наблюдал за клиентами и получал удовольствие, когда мог сказать, в каком они настроении, пришли в бар с деловыми партнерами или с друзьями, хотят ли, чтобы бармен с ними поговорил. Он прекрасно помнил Чэнь Хана: чисто выбритый мужчина, смуглый даже зимой, с очень редкими намеками на южные тона в мандаринском языке. Большинство приняло бы его за местного, но Лео, родившийся и выросший в Пекине, уже много лет держал бар и наблюдал за людьми. Чэнь Хан был слишком высок для южанина, широкоплеч и крепко сложен, но каждый раз, выходя из бара, он опускал голову, приподнимал плечи и слегка ускорял шаг. Независимо от того, сколько вилл и квартир у него имелось, он никогда не прогуливался по улицам города так, словно те ему принадлежали. Последнее представляло собой черту отчетливо пекинскую, присущую даже самым бедным горожанам. Чэнь Хан никогда не демонстрировал такого чувства собственного достоинства.

Его жена была другой. В ней чувствовалось что-то, чего Лео не мог разгадать, какая-то отчужденность, которая казалась ему занятной. Она вела себя так, словно все происходящее в мире не имело к ней никакого отношения. Невысокая и не особенно яркая, но ее четкие черты, маленькое лицо и покатые плечи напоминали Лео женщин со старинных рисунков тушью. Не красавица, но невероятно женственная. Чэнь Хан, казалось, понял, что молодость и красота преходящи, и потому выбрал ее в жены. Ей не обязательно быть молодой. Изысканная жена, какую муж берет с собой на званый обед и неизменно обнаруживает, что стал центром внимания как обладатель самого лучшего, самого ценного аксессуара. Приведя жену в бар, он явно хотел показать свой успех не только в бизнесе, но и в семейной жизни. Самообладание этой женщине никогда не изменяло, и ее улыбка всегда казалась Лео элегантной, несмотря на то что передние зубы слегка выдавались. Казалось, ее эмоции были накрыты крышкой, и даже если внутри их обладательницы все кипело, крышка держалась крепко.

После смерти Чэнь Хана она стала появляться в баре за пятнадцать минут до закрытия, вынуждая Лео работать еще некоторое время. Она приоткрывала дверь ровно настолько, чтобы ее худое тело проскользнуло в щель, затем подходила к концу стойки, клала сумочку на соседний табурет, заказывала

бокал вина и распускала по плечам собранные в пучок волосы. Чаще всего она уже была пьяна. Поначалу Лео было трудно это определить, так как она никогда ни с кем не разговаривала и ее движения всегда были довольно грациозными. Только когда однажды вечером она пришла трезвой, он заметил явную разницу в поведении. Она повторила прежний ритуал – конец стойки, сумка на табурете, один бокал, распущенные волосы – но потом достала стопку бумаг и надела очки для чтения. О трезвости можно было судить не по чтению, а по лицу, выражавшему сосредоточенное спокойствие. Оно казалось одновременно любопытным и решительным, как у девочки, приступающей к чтению своего первого романа.

Но сегодня посетительница была пьяна сильнее обычного. Села на первый попавшийся табурет, бросила сумку на пол и попросила стакан бренди. Лео подал его вместе со стаканом воды. Не сводя глаз с бокала, она наклонилась, прижалась губами к его краю и отпила.

– Ага… да, это будет лучше. Сегодня я предпочитаю что-нибудь покрепче. А вы? – спросила она.

– Перед сном я всегда выпиваю бокал бренди, – ответил Лео.

– Нет, не перед сном. Я имею в виду, что все равно сплю мало. – Она сделала еще глоток, изучила свое расплывчатое отражение в стекле и несколько раз мазнула пальцем по мешкам под глазами. – Наверное, у меня просто вошло в привычку пить вино. Видите ли, это довольно изысканно для такой женщины, как я. Но иногда мне просто нужно что-то, бьющее по мозгам. – Она подняла с пола сумку и положила ее на табурет. – А теперь, пожалуйста, покараульте мое место, мне нужно подышать свежим воздухом.

– Воздух сегодня не такой уж и свежий, – заметил Лео.

Она выудила из кармана респиратор и, прежде чем выйти за дверь, помахала им под носом бармена.

Шел снег, и было довольно холодно, даже для декабрьской ночи в Пекине. Город окутал смог, и падающие с неба хлопья размером с подсолнечное семечко тут же становились грязными. К часу ночи улица, укрытая светло-серой завесой

тумана, погрузилась в дремоту. Цзяцзя поколебалась и вдохнула, позволив зимнему воздуху наполнить легкие, а затем медленно выдохнула. Она подумала, не надеть ли маску, но, отказавшись от этой мысли, сунула ее обратно в карман, закурила сигарету и прислушалась к звукам спящих улиц. Сегодня было до странного тихо, и беззвучная ночь подходила к темному глубокому небу. Ее многоквартирный дом стоял прямо напротив, огромный и грозный.

Прошел уже целый месяц. Санитарам не пришлось перевозить Чэнь Хана в больницу, чтобы объявить умершим. Но даже после тщательного патолого-анатомического исследования причину смерти установить не удалось. Престарелые родители Чэнь Хана, приехавшие в Пекин из Фуцзяня, через неделю решили, что больше откладывать похороны недопустимо. Чэнь Хана, по их мнению, следовало как можно скорее похоронить на семейном кладбище (иначе его душа заблудится навсегда). Кроме того, они провели слишком много времени в пекинской гостинице, и его мать никак не могла уснуть в чужой постели. Поэтому отец Чэнь Хана, властно хлопнув ладонью по столу, заявил, что причину смерти в свидетельстве проставлять необязательно. Сын умер, и неважно как. Довольно патологоанатомам копаться в теле. Старики обернули урну куском серой ткани и осторожно положили в сумку. Они отказались взять Цзяцзя с собой на похороны и заявили, что с семьей Чэнь она больше не имеет ничего общего.

Ну и ладно. Она все равно не хотела с ними ехать.

С тех пор все дела неуклонно катились под откос. От адвоката Чэнь Хана она узнала, что муж, хоть и был человеком небедным, не оставил ей ничего, кроме квартиры, где они жили, и денежного содержания на зиму в размере шестидесяти тысяч юаней, переведенных на ее банковский счет. Сразу после свадьбы он составил завещание, по которому остальную часть имущества передавал родственникам.

Пока они жили вместе, Чэнь Хан оплачивал ее расходы, но перед смертью о ней не позаботился. Цзяцзя быстро поняла, что последние годы, лучшие годы ее жизни, были потрачены впустую. Муж-эгоист забрал их с собой в могилу. Они завернуты в серую ткань вместе с его урной и перенесены на кладбище, куда она, по воле его семьи, не имеет права входить. Ей следовало поторопиться с ребенком. Тогда муж больше бы о ней заботился. Но когда они поженились, Цзяцзя была слишком молода, а когда ей исполнилось тридцать и она почувствовала, что готова, между ними начало расти отчуждение. Тогда она не

понимала, но теперь видела, что основа их брака разрушилась еще до смерти Чэнь Хана. Ночи, проведенные им не дома, несостоявшаяся совместная поездка, отпуск, в который он отправился без нее. Все в порядке, говорила она себе, со временем все наладится. Но к чему это ее привело? Из-за того, что она когда-то вообразила, будто Чэнь Хан собирается дать ей дом, Цзяцзя осталась ни с чем. И пустая квартира не была домом.

Сперва она хотела продать квартиру, но Чэнь Хан твердо верил, что недвижимость – это самая безопасная инвестиция, а потому решила ее сдать и связалась с агентом. Агент сообщил, что квартира слишком велика и не подходит для состоятельных людей, в основном одиноких или с небольшими семьями. Большие же семьи предпочитают держаться подальше от делового центра. «Хорошо, – согласилась она. – Выставьте ее на продажу». Довольно быстро агент нашел покупателя, предложившего за квартиру хорошую цену, после чего она, сидя вечером в баре, изучила крайне подробный контракт, но что-то не вышло с запросом на ипотеку, и покупатель слился.

Цзяцзя понимала, что, помимо наличных, рисунка человека-рыбы и квартиры, которую не удавалось ни сдать в аренду, ни продать, у нее ничего не было. Впрочем, даже ими она владела как бы не вполне, так как раньше они принадлежали мужу. Она лихорадочно обыскивала комнаты в поисках того, что могла назвать своим. Цзяцзя успокоило, что на стенах висело несколько ее старых картин. Другие хранились в запасной ванной.

Чэнь Хан поддерживал ее занятия живописью – до тех пор, пока она не попыталась продать одну работу в галерее своего друга.

– Цзяцзя, насколько помню, я говорил с тобой об этом, – заявил он. – Я против, чтобы ты выставлялась и сама зарабатывала деньги. Позволь мне позаботиться о жене. Да, ты можешь рисовать! Но не понимаю, с чего ты взяла, будто тебе следует продавать свои картины. Как художники, которые едва сводят концы с концами.

Она сидела на диване в гостиной, а он расхаживал по комнате и смотрел на нее сверху вниз.

– Это плохо, – добавил он.

С тех пор то, что некогда было ее карьерой, превратилось в хобби.

Цзяцзя сделала последнюю затяжку и вернулась в бар. Ей показалось, что холодный воздух немного прояснил голову. Бармен протирал бокалы и расставлял на полках. У него были крупные кисти с длинными тонкими пальцами, суставы которых чуть выпирали, как утолщения на стволах бамбука.

– Могу я предложить вам что-нибудь еще? – спросил бармен.

– Вы уже закрываетесь. Я и так слишком много выпила.

– Мытье посуды – это мой способ медитации, – подмигнул Лео, дважды постучав указательным пальцем по виску. – Не возражаете, если я к вам присоединюсь? – спросил он, поднимая две рюмки одной рукой и почти пустую бутылку бренди другой.

Он налил, они чокнулись.

– Я слышал о вашем муже, – извиняющимся тоном произнес он.

– Вы женаты, – спросила Цзяцзя, перегнувшись через стойку, чтобы взглянуть на его бейджик, – Лео?

– Конечно, нет, – ответил Лео.

– Почему нет? – спросила она.

Он, казалось, задумался и не ответил.

– О, забудьте о моем любопытстве, – извинилась она. – Глупо спрашивать вас об этом, мистер Лео с английским именем. Вы ведь произносите его так, да? Ле-о? Вам, мужчинам, спешить некуда. – Сидя на табурете, она ссутулилась. – Но рано или поздно вы должны завести жену. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы стали одиноким стариком, мистер Лео. У вас должен быть дом, куда можно вернуться, закрыв бар, и где вы будете чувствовать себя комфортно.

– Вы чувствовали себя комфортно, когда муж был жив? – спросил Лео, не сводя с нее глаз.

Цзяцзя не смогла с ходу ответить. Она была поражена тем, как бармен ее провоцировал, и не совсем понимала, что он имеет в виду. Неужели Чэнь Хан сказал ему в одну из ночей, проведенных здесь, что потерял интерес к жене? Или Лео что-то понял, наблюдая за ними, пока они были в баре? Ее рука на мгновение замерла, но прежде, чем Лео успел это заметить, Цзяцзя поднесла бокал к губам. Светильники, висевшие над стойкой, внезапно погасли.

– Простите, – извинился Лео и пошел в угол зала, где находился блок предохранителей.

– Здесь можно курить? – спросила Цзяцзя, нащупывая в сумке новую пачку сигарет.

– Когда никого нет, можно, – ответил он.

Цзяцзя зажала сигарету между пальцами.

– Он оставил мне квартиру, понимаете? – произнесла она через несколько мгновений, поднося сигарету к губам и закуривая. – Довольно внушительная, большая, все такое. Это было любезно с его стороны, вам не кажется?

Зажегся слабый свет, и Лео вернулся к стойке.

– Это лучшее, что я могу сделать, – извинился он, указывая на потолочные светильники. – Придется немного подождать, прежде чем автомат защиты включится снова.

– Не волнуйтесь, я все равно собираюсь уходить.

Цзяцзя хотелось выпить еще. Но что она делает, тратя деньги в дорогих барах, как будто Чэнь Хан через несколько месяцев пополнит ее банковский счет? Где она оставила свою гордость? Или все еще надеется, что муж ее обеспечит? Внезапно она затушила сигарету, попросила счет и, расплачиваясь, сунула Лео в руку лишнюю сотню юаней. Забрала сумочку и ушла, обеспокоенная тем, что

лишний бокал бренди, который он налил, стоит больше той сотни. Ничего, она заплатит в следующий раз.

Тротуары были пусты, снег прекратился. Возвращаясь домой, Цзяцзя перешла через улицу, замедлила шаг и поднялась в свою квартиру, где долго принимала душ, а потом легла спать. В постели она забралась под одеяло с головой и заплакала. Вентилятор в кондиционере вертелся все яростнее. Очертания зданий за окном расплывались: смог снова усиливался. Она все плакала, молча, иногда задыхаясь и пытаясь отдышаться, будто даже в отчаянии боялась нарушить зимнюю тишину.

Глава 3

Когда Цзяцзя проснулась, было еще темно. Она села и попыталась нащупать ногами тапочки. Их не было. Сунула руку под кровать и поискала там, но ничего не нашла. Она посмотрела вниз, на пол, и обнаружила, что пола больше не существует, а на смену ему пришла поверхность глубокого моря, словно она сидела, свесив ноги с борта корабля, и смотрела на отражение беззвездного неба в воде. Темнота колыхалась, как шелк. Она поднялась с кровати, ступила на то, что раньше было полом, и провалилась во внезапный влажный холод, который, несомненно, был студеной водой. Она тут же повернулась, чтобы схватиться за кровать, но той уже не было. Погрузившись в воду, она поискала хоть что-нибудь, за что можно ухватиться, задержала дыхание и поплыла, все глубже и глубже.

Время стало расплывчатым и неуместным. Цзяцзя не знала, куда плывет. Она не видела собственного тела. Если она спустится, то найдет ли вновь землю, добравшись до основания здания? Стоит попробовать, подумала она. Казалось, прошло много времени, но наконец в воду проник белый луч света. Солнце! Должно быть, это вдалеке встает солнце. Преломленный свет казался чужим, словно из другого измерения, но Цзяцзя все равно поплыла к нему, рывками сбрасывая с себя пижаму и вполголоса взывая о помощи.

Приближаясь к свету, она заметила под собой маленькое серебряное существо, плавающее кругами. Ей показалось, что она разглядела крошечную рыбку с острым хвостом, сверкающим блестками. Рыбка совершала яростные движения –

малек, только что научившийся пользоваться плавниками.

Цзяцзя снова сосредоточилась на свете и устремилась к нему, оставив серебристую рыбку позади. Свет становился все ярче. Она вышла из воды и обнаружила, что сидит на полу в собственной квартире, голая, окоченевшая от холода. Рядом лежала скомканная пижама. Утреннее солнце пробивалось сквозь шторы, небо теперь было бледно-голубым, и группа женщин средних лет уже собралась под окнами в парке, танцуя под диско.

Глаза Цзяцзя постепенно привыкли к свету. Ее трясло. Машинально она потянулась к рисунку на прикроватном столике. С облегчением обнаружив, что он сухой, она прислонилась головой к кровати и внимательно посмотрела на человека-рыбу. В его глазах она увидела безжизненность, как у преследуемой жертвы, которая уже сдалась.

Цзяцзя сложила рисунок, хотя и не могла выбросить его из памяти. Вода – что это было? Она уже не помнила, как выглядела эта вода, и лишь ощущала жгучий холод, оставшийся на коже. Должно быть, ночью сломался обогреватель, вот и ледяная стужа. Квартира слишком большая. Цзяцзя решила, что должна уехать из нее как можно скорей. Трудно выносить царящее в ней одиночество.

Она не помнила, когда в последний раз признавалась себе, что действительно чего-то боится. Не потому что никогда не испытывала страха, конечно же, испытывала, но очень рано поняла, что ее слабость приведет лишь к дополнительным сложностям для семьи: новому беспокойству за бабушку, новым тревогам за тетю, новым ночным перешептываниям между ними обоими.

Ее мать умерла в день, когда Цзяцзя пошла в среднюю школу.

В тот вечер, заглянув через дверь в спальню, где бабушка молча рыдала в подушку, свесив ноги с края кровати, Цзяцзя научилась делать то же самое.

Теперь она попыталась встать, но обнаружила, что не может собраться с силами. Она завернулась в пуховое одеяло и несколько часов просидела на деревянном полу, желая, чтобы день остановился и подождал ее. Она закрыла глаза и попыталась вспомнить мать. Уже давно она этого не делала. Воспоминания были отрывочными и слабыми, как всегда. Цзяцзя была уверена, что когда-то они казались реальными и в одно время – отчетливыми и ясными. Но когда? Теперь

она не могла этого сказать. Она не могла вспомнить подробности, только знала, что они были.

Во второй половине дня Цзяцзя решила пойти к бабушке. Хотелось отвлечься, подняться с пола и чем-то занять голову. Она оделась и села в сто тридцать девятый автобус, идущий к проспекту Цзяньгомэнь. Ехать было дольше, чем на метро, но она чувствовала себя лучше на земле: здесь было легче дышать. Цзяцзя сумела найти место в конце салона, рядом с матерью и девочкой. Мать держала на коленях школьную сумку, и у ее ног стояло несколько пластиковых пакетов с продуктами. Во время путешествия они почти не разговаривали, только однажды мать открутила крышку термоса, налила в нее немного чаю и поднесла к губам дочери.

– Тебе надо больше пить, – сказала она.

Девочка, не отрывая глаз от лежавшей на коленях книжки с картинками, открыла рот, чтобы мать ее напоила. Цзяцзя вышла из автобуса, а они поехали дальше.

Цзяцзя росла у бабушки и тети. Их маленькая трехкомнатная квартира с окнами во двор находилась на втором этаже старого кирпичного здания. Сначала в ней жили бабушка и дедушка. Прежний работодатель передал им квартиру в пожизненное пользование, и, когда дедушка умер, тетя переехала туда, чтобы заботиться о бабушке. Потом тетя вышла замуж за Ли Чана, и он тоже поселился там. С годами во дворе стало тесно от припаркованных машин, а велосипедов было уже меньше, чем в детстве Цзяцзя. Как раз в момент, когда Цзяцзя приблизилась к воротам, из них вышли несколько женщин. Она их не знала. В детстве ей казалось, что семьи, живущие в этом доме, никогда его не покинут. Они представлялись такой же неотъемлемой его частью, как растущие под окном деревья.

Цзяцзя толкнула металлическую дверь, прошла по вестибюлю, включила свет и поднялась по лестнице. На стенах пролетов висело несколько рекламных объявлений, причем новые были приклеены поверх старых. Кто-то написал от руки: «Прокат автомобилей» – и указал рядом номер телефона.

Она постучала, тетя открыла дверь и поздоровалась с племянницей.

– Посмотри на мой новый аквариум! – похвасталась тетя и посторонилась, чтобы Цзяцзя могла протиснуться в комнату мимо обувного шкафчика.

В гостиной стоял большой аквариум, сантиметров на тридцать выше Цзяцзя. В нем с потерянным и оторопелым видом плавали рыбки разных пород с большими круглыми глазами. Однако даже их присутствие не мешало аквариуму выглядеть до странности пустым.

– Не добавить ли туда каких-нибудь кораллов? – спросила Цзяцзя, кладя сумочку на диван.

– Завтра их привезут, – сообщила тетя, глядя на аквариум с гордостью, словно на своего ребенка.

Бабушка Цзяцзя, покачивая головой, мелкими шажками вышла из своей комнаты.

– Мы всего-навсего обычная семья, живущая в нормальной квартире, – хрипло произнесла бабушка, и лицо ее недовольно сморщилось. – Цзяцзя, у твоей тети что ни день, то новая идея. Бедняжка, видишь ли, старается идти в ногу со временем. Посмотри, сколько места занимает эта штуковина.

– Ли Чан сейчас на совещании, – пояснила тетя, не обращая внимания на старуху. – Мы с ним работаем над одним проектом, связанным с кино. Когда получу свою долю, постараюсь купить тебе миленькую квартирку и аквариум, как этот. Сумма должна быть большая.

Тетя села и принялась ополаскивать чайные чашки и укладывать их в кипяток.

– Квартира, в которой ты сейчас живешь, для тебя слишком велика. Ты должна ее продать и вложить вырученные деньги в наш проект, – продолжила она, после чего деревянными щипцами вытащила из кипятка три чашки. – Фильм принесет кучу денег. Вчера вечером мы с твоим дядей сняли номер во «Временах года», чтобы отпраздновать сделку. Больше тысячи юаней за ночь! Мы с Ли Чаном даже не думали, что вестибюль окажется таким красивым. Жаль, что сейчас зима, иначе мы выпили бы на террасе.

– Я думала, вы открываете ресторан, – сказала Цзяцзя.

– Мы решили, что лучше заняться тем, в чем Ли Чан хорошо разбирается, – объяснила тетя. – Идея с рестораном была несколько легкомысленной.

Своими авантюрами тетя никогда не могла заработать на ту жизнь, которой желала. Чэнь Хан всегда ее критиковал. Он воздевал палец, качал головой и заявлял, что тетя Цзяцзя метит чересчур высоко, слишком нетерпелива и идеализирует деньги. «Если на деньгах зацикливаться, ничего не заработаешь», – обычно говаривал он, коля орехи. Но разве он не был таким же?

– А что насчет тебя, моя дорогая, какие у тебя планы? – спросила тетя, поднимая глаза от чашек на племянницу.

– Я ищу кого-нибудь, кто согласится снять или купить мою квартиру. А еще я подумываю снова заняться живописью, – сообщила Цзяцзя, – и продавать картины.

– Ой, лучше найди стабильную работу, – посоветовала бабушка, медленно обходя стол шаркающей походкой, чтобы сесть рядом с дочерью. Желтые тапочки в горошек она носила уже больше десяти лет, а когда у нее возникли проблемы с коленями, пришила к подошвам ткань, чтобы передвигаться, скользя ногами по полу. – Я всегда это говорила, помнишь? – со вздохом добавила бабушка.

Цзяцзя, конечно, помнила, как же иначе. Бабушка всегда рекомендовала учиться чему-то, что даст гарантию занятости. Что даст «миску риса», так она это называла. Цзяцзя глубоко вздохнула, хорошо понимая: никаких споров из-за ее работы больше быть не должно. Старуха и так пережила слишком многое. Все, что могла сказать Цзяцзя, позволь она себе открыть рот, было бы чересчур злым. Поэтому она ничего не ответила. Ей пришлось взять себя в руки. Она не могла допустить, чтобы тетя и бабушка заметили ее неуверенность.

– Позволь мне спросить Ли Чана, нет ли у него чего-нибудь для тебя, – предложила тетя.

– Не забудь убедиться, что работа надежная и ее не обманут, – добавила бабушка.

– Мама… – снова начала тетя. – Я понимаю, тебе не нравится Ли Чан, но он знает много богатых людей, которые могли бы заказать у Цзяцзя картину.

– Я больше не буду вмешиваться, – проговорила бабушка с несчастным выражением лица. – Да, я не знаю, как устроен сегодняшний мир. Но надежнее всего заниматься ремеслом. Посмотри на себя и на Ли Чана, который до сих пор живет в моей квартире. А ему пора бы иметь собственный дом.

Затем, качая головой, бабушка встала и удалилась в кухню, чтобы приготовить еду.

– Останься на ужин, Цзяцзя, – предложила тетя.

В начале десятого вечера Цзяцзя забрела в бар Лео. Сначала она молчала: в ее голове бродило слишком много мыслей, чтобы их можно было выразить словами. Выйдя из бабушкиного дома, она вдруг поняла, что не обязана подчиняться чужим правилам. Она больше не ребенок, и мнение бабушки, каким бы обоснованным оно ни казалось, осталось за дверью ее квартиры. Теперь Цзяцзя могла идти куда угодно, ни перед кем не отчитываясь. Могла заниматься искусством, и рядом больше не было Чэнь Хана, чтобы указывать, как плохо это выглядит в глазах окружающих. Ей захотелось хорошего шампанского.

Она подозвала Лео.

– Бокал самого лучшего шампанского, пожалуйста, – попросила она.

– Вот этого? – Он открыл меню и указал название. – Обычно его продают бутылками. Но я могу налить бокал. Похоже, у вас сегодня праздник.

– О, тогда не возражаю против целой бутылки вот этого!

Она засмеялась и постучала пальцем по строчке меню.

Если она решила зарабатывать на жизнь живописью, то позволит себе разгуливать по дому в огромной футболке не по размеру, неумытой и коротко

стриженной. Правда, и в этом случае она представляла себе рядом кого-то, кто, несмотря ни на что, обеспечивал бы ей комфорт и приносил еду из любого понравившегося ресторана, даже с другого конца города. Да! У нее появятся новые воспоминания, и в них будет присутствовать еще кто-то, с кем она поселится в новом доме. Эти воспоминания и станут питать ее творчество.

Лео вернулся с бутылкой и осторожно открыл ее. Послышалось тихое шипение. Он наполнил бокал шампанским – холодным, золотистым.

– Вы любите живопись? – спросила Цзяцзя.

– Я всегда больше интересовался музыкой.

– Тогда вы напишете для меня песню? – рассмеялась она.

Обычно Цзяцзя не смеялась на людях, но ей хотелось быть кокетливой, игривой. Она не могла припомнить, когда в последний раз вела себя так: смеясь не в ответ на что-либо, а приглашая кого-то в ближний круг не чужих ей людей. Лео улыбнулся в ответ, чтобы соответствовать ожиданиям, сопроводив улыбку легким смешком.

– Вы когда-нибудь писали песни для своих подруг? – спросила она.

– Один раз, для последней. Но ей не понравилось.

– Расскажите о ней.

– Ну… – Он поискал лаконичный ответ на неопределенный вопрос. – Она была как тяжелое похмелье.

– Значит, у вас от нее болела голова.

– Часто. И очень сильно.

– Вы ее понимали? Я имею в виду, вы действительно понимали, кто она и почему делает то, что делает?

– Оттого, что вы понимаете кого-то из близких людей, иметь с ними дело не легче.

Лео поставил бутылку в ведерко со льдом и накрыл салфеткой.

Цзяцзя на мгновение задумалась.

– Я никогда не понимала мужа, – призналась она.

– Он был сложным человеком?

– Вовсе нет. Он вырос в бедной, но заурядной семье, много работал, преуспел в бизнесе, женился на мне, а потом умер. Все просто, правда? Но я не понимала его простоты.

– Вам этого хочется? Простоты?

– Я больше не уверена.

Она сделала глоток шампанского. Пузырьки сначала придали ему очень сильный вкус, похожий на громкий аккорд в начале симфонии, но вскоре, почти сразу, кончиком языка она ощутила всю гармонию напитка.

Лео вопросительно посмотрел, ожидая продолжения.

– Всю жизнь я словно поднималась на стену башни, – объяснила Цзяцзя, ставя бокал на стойку. – Мое тело всегда было параллельно земле. А потом раз! Мир повернулся, я стою прямо, а башня лежит на земле плашмя. Все стало по-другому, но моя голова снова поднята, и я иду вперед. На самом же деле я даже не знаю, в какую сторону идти. Понимаете, к чему я клоню? А шампанское хорошее, очень хорошее, должна вам сказать.

Прежде чем Лео успел ответить, вошли еще несколько посетителей, и Цзяцзя жестом дала понять, что разговор можно прервать. Это оказалась компания из четырех человек: двое мужчин и две женщины. Под распахнутыми пальто у обоих кавалеров виднелись костюмы – один серый, другой темно-синий, – но галстуки после работы они сняли. Женщина пониже сняла шубу и осталась в

яркой блузе с декольте. Она вела себя шумно. Не успев усесться, заявила, что она адвокат.

– У тех парней не было ни единого шанса, – похвасталась она. – Мне все равно, если ты дерешься перед клубом, но если ты бьешь моего друга у меня на глазах, ты ведешь себя глупо. Я позаботилась, чтобы малый получил заслуженный срок.

– Однако он был довольно молод, верно? – спросила другая женщина.

– Парню было восемнадцать. Приехал на «Мазерати». – Она достала тонкую сигару. – Его родители приходили с извинениями и просили все уладить. «Нам очень жаль, однако наш мальчик и так получил урок». Но я ответила: «Нет уж, он получит полный курс коррекционного образования, в котором нуждается». – Она громко захохотала и добавила: – Видели бы вы их лица!

Посетители рассмеялись и заказали выпивку. Лео подошел к Цзяцзя и тихо спросил, не беспокоит ли ее шумная компания.

– Совсем наоборот, – шепнула она в ответ. – Пусть разговаривают, они забавные.

Когда бар закрылся, Цзяцзя все еще сидела на своем табурете. Четверка запоздалых посетителей ушла. Женщина так и не смогла прикурить сигару. Оставшуюся часть вечера Лео был занят приготовлением коктейлей. Цзяцзя время от времени наблюдала за его двигающимися пальцами: хозяин бара обладал довольно заурядной внешностью, но ей нравилось, как он работал руками. Лео, наверное, надежный человек, подумала она, и так предан любимому делу. Его движения казались отточенными – в них чувствовалась та легкость, которая достигается только после многих лет практики.

Лео протер последний столик и вернулся к стойке. Затем он переложил сумку Цзяцзя и сел на соседний табурет – удивительное проявление близости со стороны мужчины, который держался на вежливом расстоянии от других. Цзяцзя повернулась лицом к нему.

– Я допила бутылку, – сообщила она. – Мне пора уходить.

– Останьтесь и выпейте со мной еще.

Перегнувшись через стойку, он достал бутылку бренди и два бокала.

Они молча выпили.

– Как вы думаете, я красивая? – спросила Цзяцзя.

– Ты как вода. Твоя красота мягка и спокойна.

– Тогда ты проведешь со мной ночь? Думаю, это станет хорошим воспоминанием для нас обоих.

Тротуар был мокрым от растаявшего снега, но местами покрылся ледяной коркой: температура падала. Лео закрыл бар, и они оба направились в сторону квартиры Цзяцзя. Относительно чистый дневной воздух улетучился, и город скрылся за пеленой смога.

Глава 4

Проходя мимо консьержа, Цзяцзя ускорила шаг и оставила Лео позади. Консьерж поздоровался, но она спрятала подбородок в складки шарфа и, не останавливаясь, прошла к лифту.

Поднимался лифт долго, и все это время они молчали. Вдали от бара уверенность Лео в себе куда-то подевалась, и на его лице отразилась тревога. Он будто стал меньше ростом. Войдя в квартиру, он медленно снял пальто и застыл с ним в руках, хотя Цзяцзя бросила свое на диван.

Заметив смущение гостя, она одной рукой взяла пальто Лео, а другой ободряюще коснулась его локтя. В ответ он притянул ее к себе, как будто теперь мог перестать притворяться робким. Она почувствовала, как ее грудь прижалась к его груди, а его губы потянулись к ее. Его дыхание отдавало свежей мятой, и она смутилась, подумав, что ее собственное пахнет алкоголем. Она не видела, чтобы он ел что-то мятное.

Тепло от его рук, прикасавшихся к коже, просачивалось в поры, словно вода. Как будто объятия этого мужчины разбудили какое-то тайное место внутри нее, до которого прежде никто не добирался. Она никогда не испытывала такой тоски по чужому телу. Это не имело отношения к плоти и выходило за пределы сознания, не было ни похотью, ни любовью. Пожалуй, подумала она, такое состояние лучше всего описать как впечатление одинокого путника в пустыне, измученного и опустошенного, от вдруг расцветшего перед ним прекрасного персикового дерева, усыпанного плодами.

Но едва Лео уложил ее в постель, Цзяцзя захлестнула волна вины. Кто-то вторгся в пространство Чэнь Хана, единственной защитницей которого оставалась теперь она. Цзяцзя хотела не думать, прогнать эту мысль, но, прижавшись спиной к холодному шелку простыней, которые делила с мужем, почувствовала, будто изменяет Чэнь Хану. Лео в отличие от нее не колебался ни секунды. Он снял галстук-бабочку, жилет и рубашку, но брюки оставил, ожидая, что их снимет она. Цзяцзя провела руками по его бедрам и коснулась возбужденного члена, все время избегая встречаться с Лео взглядом.

Все в Лео напоминало о муже, делая его присутствие почти осязаемым, и Цзяцзя поневоле принялась их сравнивать. Кожа Лео была плотнее, кости острее, руки крупнее. Очертания тела в темноте казались странными и чужими. Он снял с нее брюки, прежде чем расстегнуть блузку – Чэнь Хан сделал бы наоборот. И ощущение, возникшее, когда он входил в нее, отличалось от того, которое она знала. То, как он двигался на ней, то, как напрягались его мускулы, было тоже совершенно другим.

И тем не менее она с силой притянула к себе его – незнакомца, коснувшегося части ее тела, полностью отделенной от окружающего мира.

Когда Цзяцзя проснулась, Лео уже не было в комнате. Сначала она подумала, что он ушел, но потом услышала его шаги на кухне. Ей хотелось побыть одной. Она быстро умылась и оделась, а когда вошла в кухню, то увидела, что Лео купил яйца и уже варит их.

– У меня есть яйца, – сказала Цзяцзя. – Они в холодильнике.

– Я купил и другую еду.

Она посмотрела на часы. Больше одиннадцати.

– В какое время ты должен быть в баре, чтобы подготовиться к открытию? – спросила она.

– Не раньше четырех-пяти. У тебя хорошая картина.

Он указал на стену за диваном.

– О, – смущенно произнесла она. – Спасибо.

Она не знала, почему решила не говорить, что она художница и сама написала эту картину. Во всяком случае, это не была та вещь, которой она особенно гордилась. Никто раньше не хвалил эту картину – она повесила ее всего два дня назад, чтобы заменить ту, которую Чэнь Хан купил в художественной галерее на Рю-дю-Бак в Париже.

На ее полотне была изображена гнедая лошадь на берегу моря, смотрящая на что-то, находящееся за рамой. Берег был илистым, каменистым, и на него набегали чересчур большие волны. Она никогда не умела писать волны правдоподобно, хотя морские пейзажи любила больше других. Студенткой она накопила на подработках деньги и поехала в Лондон, где провела немало часов в Национальной галерее, изучая картины, на которых изображались волны, и пытаясь их копировать, и все-таки так и не освоила необходимые приемы. По крайней мере, так, как ей хотелось. В движении океана и полупрозрачности воды присутствовало нечто, чего она не могла уловить. Какое-то равновесие между таинственностью и простотой. После окончания художественной школы она даже провела неделю в даосском храме, чтобы побольше узнать о нраве воды.

Поэтому она была удивлена, что кто-то счел ее картину хорошей.

– Кто выбрал картину? – спросил Лео.

– Я, – ответила она.

– Вообще-то, я не очень люблю океан, – проговорил он и передал ей пластиковую миску с теплым соевым молоком, пакетик жареных палочек из теста и тарелку с жареными корнями лотоса. – На самом деле особой причины для этого нет, просто в детстве он мне не нравился.

– Мой муж тоже не любил воду. Он говорил, это опасная и дикая субстанция. Между прочим, ее очень сложно рисовать.

Цзяцзя откусила кусочек жареной палочки и принялась жевать, рассматривая на ней след, оставленный зубами.

– Могу себе представить. – Лео немного поколебался и продолжил: – Это, наверное, требует большой практики. Один мой давний знакомый вырос неподалеку от побережья, его старик – рыбак. Парень учился в художественной школе и пишет невероятные морские пейзажи, это действительно непростое искусство. Он провел у воды всю свою жизнь. Правда, остальное получается у него не хуже.

– Его отец рыбак? И он позволил сыну выучиться на художника?

– Ну конечно нет! – Лео рассмеялся и покачал головой, о чем-то вспомнив. – Отец велел ему никогда больше не появляться в доме.

Отец Цзяцзя не возражал против ее обучения рисованию, но и не поддерживал ее. Хуже того – он был равнодушен. Отец ушел от матери Цзяцзя, когда дочери исполнилось пять лет, и потом, когда она жила с матерью, а затем с бабушкой, только один-два раза в год приглашал на обед. Когда она сказала ему, что поступила в Центральную академию изящных искусств, отец лишь улыбнулся и продолжил заказ блюд. Возможно, отец ее даже поздравил, но это не имело значения, потому что через год-другой он совершенно об этом забыл.

– Я тоже ходила в художественную школу, – призналась она Лео.

Он подошел сзади и коснулся ее плеч руками.

– Однажды я случайно подслушал, как ты говорила об этом в баре, – повинился он.

Внезапно Цзяцзя встревожила нежность Лео. Бурность прошлой ночи теперь исчезла, и его привязанность казалась неуместной. Она быстро доела завтрак и начала просматривать почту. Пришли ежемесячные счета за обслуживание дома и отопление – первые, которые она получила после смерти мужа. Среди квитанций лежал и счет за электричество. Правление дома, должно быть, не захотело нарушать ее траур и потому прислало счета на две недели позже обычного. Срок оплаты, однако, оставался прежним.

Она вскрыла конверты и, к своему ужасу, обнаружила, что итого нужно заплатить целых четыре тысячи юаней. Основную часть составляло отопление. Чэнь Хан всегда жаловался, что зимой приходится тратить чересчур много денег на отопление, но Цзяцзя постоянно поддерживала в комнатах комфортную температуру, так как не любила носить свитер в помещении. Муж также считал, что пал жертвой смога, – не столько из-за вреда, причиненного здоровью, сколько потому, что очистители воздуха потребляли много электроэнергии, и это увеличивало ежемесячные расходы. На том, чтобы очистители работали на полную мощность, настаивала Цзяцзя, и Чэнь Хан снисходил к ее слабостям.

Теперь, когда его не стало, плата в четыре тысячи юаней в месяц до конца зимы означала, что Цзяцзя действительно должна начать зарабатывать. Неужели Чэнь Хан предвидел, что она окажется в такой ситуации? Думал ли он вообще об этом? Не выглядела ли безумием ее эфемерная надежда, что она сможет прокормиться картинами? Цзяцзя уже много лет не работала и, став женой Чэнь Хана, растеряла связи. Возможно, она не сможет ничего заработать.

Лео, должно быть, заметил на ее лице озабоченность.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– Да, – ответила она, не взглянув на него и не желая продолжать разговор, достала ручку и начала производить более тщательные подсчеты на отдельном листке бумаги.

– Ты живешь в этом районе? – спросила она Лео, складывая цифры и записывая результат.

– Нет, центр не для меня. Слишком дорого. Я живу немного дальше, недалеко от района посольств. Тоже дороговато, но…

– Ты прав. Мне одной не нужны четыре спальни, – перебила Цзяцзя. – Такую большую квартиру к тому же ужасно трудно убирать, – быстро добавила она, оправдываясь.

Лео начал рассказывать о районе, где жил, но Цзяцзя слушала рассеянно и либо отвечала отрывистыми репликами, либо вообще пропускала сказанное мимо ушей. Она выключила обогреватель и очиститель воздуха, а потом накинула на плечи свитер. Куря одну за одной, она принялась искать в интернете дешевую квартиру, которую могла бы снять. В конце концов Лео попрощался и направился в бар.

После того как дверь за ним закрылась, Цзяцзя выключила ноутбук и почувствовала облегчение, к которому примешивалось чувство покинутости. Она думала о том, что происходит вне стен ее квартиры, о том, как другие люди проводят свой день. К этому времени офисные работники уже должны были пойти на обеденный перерыв. Раньше Цзяцзя в это время навещала Чэнь Хана в офисе и обедала вместе с ним и его сотрудниками. Она никогда по-настоящему не наслаждалась едой – наспех перекусывала, а разговоры с мужем были полны лести, – но теперь ей почти захотелось сделать это снова. Ей не хватало чувства повседневности.

Она взяла тарелки, оставленные Лео на столе, и принялась их мыть. Корни лотоса напоминали призрачные лица с уставившимися на нее глазами. Лео не съел все жареные палочки из теста – ее муж был не таким, он доел бы все, что стояло на столе, даже если не был голодным. Независимо от того, сколько зарабатывал Чэнь Хан, он никогда не заказывал слишком много еды, если дело не касалось бизнеса, и когда делал чрезмерно большой заказ, обязательно просил скидку. При всем своем достатке он никогда не чувствовал себя богатым.

Цзяцзя заметила, что от нее пахнет сигаретами, и пошла в душ. Снимая одежду, она посмотрела на родимое пятно на внутренней стороне левого бедра. Размером со сливу, сероватое, похожее на воздушного змея. Она не думала о нем, когда была с Лео, что показалось странным: обычно она не забывала о пятне. Хотя Чэнь Хан никогда о нем не говорил, Цзяцзя живо помнила выражение лица мужа, когда тот впервые его заметил. Губы скривились, словно он увидел выбоину посреди дороги, после чего Чэнь Хан огляделся по сторонам и отвернулся. С тех пор всякий раз, когда они занимались любовью, до самой свадьбы, она пыталась прикрывать пятно рукой или одеждой, и скоро это стало

для нее невыносимо. Поэтому Цзяцзя принялась искать для секса позы, в которых, как она думала, пятно не заметно. Она умоляла мужа попробовать их вместе с ней, притворяясь, что нуждается в них для собственного удовольствия.

Закрыв глаза, она впилась ногтями в родимое пятно и мысленно вернулась к телу Чэнь Хана, вспомнив его целиком – от лысеющей головы до плоского носа, до волос ниже пупка и до всего того, чему так отчаянно пыталась угодить. К собственному удивлению, она уже почти забыла вид обнаженного тела мужа. Перед глазами стояла только уродливая поза в ванне в последний день его жизни. Она снова подумала о Лео, с облегчением вспомнив, что тот не включил свет прошлой ночью. Она почти убедила себя, что уродливое темное пятно на ноге не будет иметь для него значения, что если он тот, кем ей представляется, оно, возможно, сможет для него потускнеть и даже исчезнуть. Она не могла сказать почему, но Лео казался человеком, который скорее исцеляет, чем ранит.

Глава 5

В декабре Цзяцзя стала реже посещать бар Лео, ей нужно было экономить. После тех нескольких раз, когда она все-таки туда приходила, она проводила ночь с Лео. Иногда он оставался и на день, но в основном уходил после завтрака. Каждый раз ее поглощала сильная тяга к его телу. Казалось, эту жажду не удастся утолить никогда.

С той самой ночи, когда она упала в темное море, ей не хотелось выходить из квартиры. В дни, когда Цзяцзя не встречалась с Лео, она обычно выпивала одна дома и бодрствовала до рассвета, ожидая, когда море появится вновь. Она не могла забыть глубокие воды и маленькую серебряную рыбку – может быть, та была как-то связана с человеком-рыбой? Цзяцзя думала, ей нужно остаться одной, чтобы снова увидеть его странный мир. Но даже когда Лео не было рядом, квартира не преображалась, и единственное, что Цзяцзя чувствовала под ногами, – это твердый паркет, который она некогда сама выбрала у итальянского поставщика. Она перепробовала все: надевала пижаму, в которой спала в ту ночь, клала на пол набросок человека-рыбы. Ничего не происходило. Она не могла думать ни о чем другом, оставалось только сидеть дома и ждать.

Она снова взялась за живопись. В рождественское утро, когда Лео готовил завтрак, она достала из кладовки несколько старых кистей и неиспользованные холсты.

– Счастливого Рождества, – сказал он, взял из ее рук холст и вручил взамен сверкающий серебристый пакет.

– О, спасибо. Не знала, что ты празднуешь Рождество…

Она не купила ему подарок. По правде говоря, она даже забыла, какое сегодня число, и планировала провести утро в Зоне искусств семьсот девяносто восемь[1 - Зона искусств 798 – арт-зона в северо-восточной части Пекина на территории полузаброшенного завода № 798.], в галерее, где проработала несколько лет после окончания университета – и где впервые встретила Чэнь Хана, – чтобы попытаться найти какую-нибудь работу, которая помогла бы оплачивать счета.

– А я и не праздную, – ответил Лео. – Не люблю иностранные праздники. Но это хороший повод, чтобы сделать тебе подарок.

Она открыла пакет и увидала в нем фотоальбом под названием «Море». Вполне в соответствии с названием книга представляла собой собрание снимков парусников, плывущих среди высоких волн, одиноких маяков и бескрайних морских пейзажей, которые выглядели почти как картины маслом.

– Очень красиво, – сказала Цзяцзя, закрывая книгу и ставя на полку рядом с коллекцией фотоальбомов Чэнь Хана, потом подошла к Лео и взяла его за руку. – Как думаешь, не съездить ли нам в арт-зону семьсот девяносто восемь? – спросила она. – На выставку? Может, выпьем там кофе?

Выставки в Пекине редко бывали хорошими, но теперь, приняв от Лео подарок, она чувствовала себя обязанной отпраздновать Рождество вместе с ним. После завтрака Цзяцзя попыталась решить, что наденет. Нельзя было выглядеть неряшливо, однако и чересчур вызывающий наряд привлек бы слишком много внимания, чего не хотелось. В конце концов она остановилась на темно-синей водолазке и черных брюках, сшитых на заказ.

По дороге она стала беспокоиться из-за возможной встречи со знакомыми художниками – в частности потому, что отправилась на выставку с Лео. После

смерти мужа она не была в галерее, и ей не хотелось тратить день на выслушивание соболезнований.

Цзяцзя познакомилась с Чэнь Ханом в первую же неделю работы там секретаршей. Однажды он зашел навестить хозяина и перед уходом оставил ей визитную карточку. В то время у нее было не так уж много друзей. Начальница была старше и к тому же замужем за братом соседки Цзяцзя по общежитию, а другие молодые сотрудницы встречались с парнями их возраста, в основном из богемной среды. Как только она стала встречаться с Чэнь Ханом, окружение отвернулось от нее, словно она относилась к другой категории женщин: практичных, чуждых романтики. Цзяцзя никогда всерьез не возражала против такого взгляда и не считала свое поведение постыдным, но возвращение в галерею под руку с мужчиной своего возраста лишь подтвердило бы, что коллеги все правильно о ней думали.

Они бы решили, что Цзяцзя поняла то, что они знали все время, лишь после смерти мужа. Для нее это было бы еще унизительнее. Поэтому она повела Лео в другое место.

Они отправились в Центр современного искусства в Чаояне[2 - Один из дорогих и наиболее быстро развивающихся районов Пекина.], в крупную галерею, которая в последнее время, похоже, стала очень популярна. У входа толпились молодые пары и родители с детьми, жаждущие воспитать у отпрысков художественный вкус. Снаружи висел большой плакат: фото мужчины средних лет, пишущего тушью на бумаге. Если бы не кисть в руке, никто бы не догадался, что это художник: в белой рубашке, коричневом пиджаке, коротко стриженный, он скорее походил на бизнесмена или политика.

В галерее было оживленно и многолюдно. Люди вереницей двигались вдоль стен от картины к картине, как студенты в очереди в столовой. Картины были в основном одинаковые, их композиции различались совсем мало. На каждой были изображены женщина и несколько животных. Иногда женщина смотрела направо, а иногда, так же бесстрастно, налево. Коровы же, овцы, птицы и кролики на картинах всегда смотрели прямо на зрителя.

Остаток дня после выставки Цзяцзя и Лео наводили в баре порядок. Они почти не разговаривали, и когда Лео что-то говорил о выставке и восхищался тем, как та была прекрасна, Цзяцзя в основном не соглашалась. Когда открылся бар, она сказала, что устала, и пошла домой одна. Они совсем забыли про кофе.

Вернувшись домой, Цзяцзя положила рисунок человека-рыбы рядом с чистым холстом и принялась изучать. Она хотела его нарисовать. Ей пришло в голову, что использование наброска Чэнь Хана для ее произведения может помочь в разгадке роли человека-рыбы в тибетском сне мужа. Она часто проделывала нечто подобное, когда ей было трудно понять какую-нибудь картину, – воспроизводила ее на собственном холсте и через это осознавала, что та для нее значит.

Набросок казался достаточно простым для копирования. В конце концов, замысловатым было только лицо, тело мог нарисовать и ребенок. Карандашом Цзяцзя набросала на холсте контуры человека-рыбы. Свет шел из верхнего левого угла, так что она, недолго думая, затенила часть холста справа, а потом отступила и задумалась над пропорциями. Ей казалось, треть изображения должна была приходиться на голову, а две трети на тело. К тому же предстояло решить, какого цвета будет ее человек-рыба, и в этом рисунок Чэнь Хана не помогал. Вспомнилась серебряная рыбка из морской глубины. Хорошее начало, подумалось ей. Следом нужно было смешать краску для фона. Она начала с ярко-синего, напомнившего о мелководье океана в солнечный день. Как всегда, цвет ей не понравился, показался искусственным, как пищевой краситель. Она отложила кисть и представила себе прозрачное голубое море, постоянно меняющее оттенок, волны, колышущиеся мягкими тихими полосами. Цзяцзя выдавила на палитру немного желтого и аккуратно нанесла мазки вокруг рыбочеловека. Потом, окунув маленькую кисточку в серебряную краску и смешав ее с серой, а также добавив приглушенного темно-зеленого, написала тело. Ей хотелось, чтобы ее рыбочеловек был похож на грубый и незавершенный рисунок Чэнь Хана, поэтому она не довела работу до конца и не стала добавлять слишком много деталей.

Цзяцзя никак не удавалось написать лицо. Эта часть полотна словно отвергала ее, и в сознании исчезли все относящиеся к ней краски. Всякий раз, когда Цзяцзя смотрела на пустое лицо человека-рыбы, ей казалось, что она разучилась рисовать. Она не знала, куда девать глаза, какого цвета должны быть губы, сколько места должен занимать нос. Конечно, можно было отмерить пропорции по эскизу Чэнь Хана и перенести их на холст, но ей никогда не нравилось так работать. Несмотря на то что она копировала уже существующий рисунок, у нее все равно должна была получиться собственная картина.

Несколько следующих дней Цзяцзя работала над избранной темой. Она достала шесть холстов и написала разные версии человека-рыбы. Иногда начинала с

тела, иногда с головы. Но всякий раз, когда она направляла кисть к пустому овалу, где должно было появиться лицо, разум затуманивался, и она не могла вспомнить его черты.

Только по ночам, когда она лежала в постели, лицо наконец появлялось перед ней, четкое и ясное. Она вскакивала, подходила к холсту, брала кисть, и образ снова улетучивался. Как-то раз ее взгляд упал на альбом, подаренный Лео. Она тут же вспомнила, что он полон пейзажными фотографиями. Ах если бы ей его подарили, когда она только начинала писать маслом! Но сейчас это было не то, что нужно. Ей требовалось лицо.

Только через две недели после выставки, холодным январским вечером Цзяцзя наконец оторвалась от картин и снова зашла в бар Лео.

– Я пытался до тебя дозвониться, – сказал Лео, наблюдавший, как Цзяцзя садится на обычное место. – Как поживаешь?

– А, у меня все хорошо. Я уезжала на несколько дней, – солгала она.

Интересно, почему люди спрашивают друг друга, как у них идут дела, спросила себя Цзяцзя. «Как поживаешь?» – вот вопрос, на который в большинстве случаев не дают правдивый ответ. Цзяцзя не могла сказать Лео, что ей плохо, совсем плохо, и она почувствовала себя ужасно одинокой, когда он задал этот тривиальный вопрос, словно вручил маленький камешек, наступив на который она могла перешагнуть через глубокую бурную реку.

Она знала, что теперь Лео мог понять, хочет ли она с ним говорить. Бывали случаи, когда она предпочитала, чтобы с ней обращались как с обычной посетительницей. Встречала Лео улыбкой, садилась, делала заказ, заканчивала нехитрый разговор простым «спасибо» и принималась читать книгу. В такие моменты она никогда не бывала невежливой, но, если в баре оказывались только они вдвоем, в ее поведении чувствовалась легкая неуверенность. Сегодня, однако, дело обстояло иначе. Сегодня она не хотела сидеть одна.

– Чего ты хочешь выпить? – спросил Лео.

– Может, чего-нибудь нового и крепкого? – предположила она. – Книга, которую ты мне подарил, просто замечательная, рассматривая ее, я многому научилась. А еще я откопала кое-какие свои старые материалы и попыталась нарисовать рыбу.

– Рыбу?

– Ну, не совсем. Это человек-рыба.

Она сделала небольшое ударение на слове «человек».

Он поднял глаза от лаймов и посмотрел на нее.

– Муж оставил мне рисунок, – объяснила Цзяцзя. – Рисунок человека-рыбы. Голова человека с телом, напоминающим рыбье. Ну, знаешь, с чешуей и плавниками. С тех пор как рисунок перешел мне, у меня появилось чувство, будто мне нужно узнать о нем больше. Лицо довольно странное. В следующий раз могу тебе показать. Во всяком случае, сейчас я его пишу. Я не думала, что его будет так трудно воссоздать.

Она ссутулилась и положила локти на стойку.

– Что значит «странное лицо»? – спросил Лео.

– Я имею в виду, что изучала рисунок, но всякий раз, когда я поворачиваюсь к холсту и пытаюсь нарисовать лицо, в голове становится пусто, и я не могу вспомнить, как оно выглядит. Как будто рыбочеловек не хочет, чтобы я его писала. Странно, правда? С тобой такое случается, когда ты делаешь коктейли?

– Я не совсем в этом уверен. Но у меня действительно иногда заканчиваются идеи, – нерешительно произнес Лео. – Писать маслом совсем не то же, что смешивать напитки.

Цзяцзя покачала головой.

– Ты совершенно прав. Это не то же самое, – согласилась она. – Я точно знаю, как человек-рыба должен выглядеть, но не могу его нарисовать. Как будто лицо

существует только в моем воображении и постоянно меняется.

– Как ты думаешь, почему он нарисовал человека-рыбу?

Цзяцзя ожидала этого вопроса от Лео и начала отвечать, не дожидаясь конца вопроса:

– Чэнь Хан сказал, что этот рыбочеловек однажды ему приснился. Сам сон был очень странным. Он не помнил почти ничего, но как он мог нарисовать человека-рыбу, не вспомнив большую часть сна?

– Итак, ты знаешь, что хочешь написать, но не можешь этого сделать. Твой муж не помнил сна, но сумел нарисовать человека-рыбу в деталях.

Цзяцзя медленно кивнула.

– Мне бы очень хотелось когда-нибудь увидеть этот набросок, – сказал Лео. – И, конечно, твою картину, когда ты добьешься успеха.

В ту ночь Лео остался с Цзяцзя. Но она держала дверь в кабинет закрытой и не показывала картины. Она еще не была готова. К тому же она спрятала от Лео рисунок Чэнь Хана. Набросок казался ей чем-то слишком интимным – возможно, единственным, в чем Чэнь Хан остался с ней честен. Она не могла объяснить почему, но знала, что Чэнь Хан хотел бы скрыть его от других.

Следующим ранним утром неожиданно нагрянула тетя. Цзяцзя чистила зубы, и дверь ей открыл Лео. Тетя была стройной, высокой и выглядела так молодо, что Лео позже признался, будто принял ее за одну из подруг Цзяцзя.

– О! Очень приятно с вами познакомиться. Я тетя этой малышки. Она росла у меня на руках, – услышала Цзяцзя голос тети и увидела из ванной, как в спальню из-за двери просунулась ее голова. – Мне не следовало приходить так рано. Я хотела поговорить с Цзяцзя. Ага! Цзяцзя переделала эту картину. Красиво, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Зона искусств 798 – арт-зона в северо-восточной части Пекина на территории полузаброшенного завода № 798.

2

Один из дорогих и наиболее быстро развивающихся районов Пекина.

Купить: https://tellnovel.com/yuy_an/tushenaya-svinina

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити